

Иероним Ясинский

Мотылёк

Иероним Иеронимович Ясинский

Мотылёк

«В комнате царил страшный беспорядок. На полу стояла лужа мыльной воды. С железной кровати спустилось байковое одеяло. Чайная посуда не убрана. Перед трюмо мигал стеариновый огарок в зелёном медном подсвечнике. Розетка на нём разбита.

Но, несмотря на этот беспорядок, чувствовалось здесь присутствие чего-то изящного и франтовского. В трюмо отражалась комната и казалась живописной. Пахло духами; но не как в парфюмерной лавке, а как пахнет вечером в конце июня на лугу, где скошено сено. Духи были лучшие, выписные; в губернском городе таких, пожалуй, не найдёшь. На стене висела большая фотография прелестной девушки с тёмными волосами, толстым греческим носом и горделивой усмешкой на красивых губах. Наконец, изящен был и сам хозяин этой комнаты, Николай Петрович Ракович...»

Иероним Ясинский

Мотылёк

В комнате царил страшный беспорядок. На полу стояла лужа мыльной воды. С железной кровати спустилось байковое одеяло. Чайная посуда не убрана. Перед трюмо мигал стеариновый огарок в зелёном медном подсвечнике. Розетка на нём разбита.

Но, несмотря на этот беспорядок, чувствовалось здесь присутствие чего-то изящного и франтовского. В трюмо отражалась комната и казалась живописной. Пахло духами; но не как в парфюмерной лавке, а как пахнет вечером в конце июня на лугу, где скошено сено. Духи были лучшие, выписные; в губернском городе таких, пожалуй, не найдёшь. На стене висела большая фотография прелестной девушки с тёмными волосами, толстым греческим носом и горделивой усмешкой на красивых губах. Наконец, изящен был и сам хозяин этой комнаты, Николай Петрович Ракович.

Ему было не больше двадцати двух-трёх лет. Открытое безбородое лицо, с крепким крупным подбородком, румяные, слегка помятые щёки, большие чёрные глаза, чуть-чуть вздёрнутый нос, пышные волосы, красивый рост – вот данные, на основании которых

Ракович имел право считать себя красавцем.

Он, действительно, и считал себя таковым, как это между прочим было видно из его самодовольной улыбки, когда он смотрелся в зеркало.

Помимо того, он всем существом своим, так сказать, ощущал, что он франт, что брюки сидят на нём превосходно, что бельё его сверкает наподобие снега, приглаженного полостьюми, что такого фрака, совершенно чёрного, без всякого глянца и отлива, сшитого из дорогого сукна, нет ни у кого в N-ске. А чтобы лишний раз убедиться в светскости своих манер, он сейчас раскланялся с воображаемой дамой самым развязным и грациозным образом и даже что-то проговорил по-французски.

Потом он тревожно взглянул на часы, отошёл от зеркала, сделал по комнате несколько торопливых шагов, опять справился с часами, натянул перчатки, взял цилиндр и крикнул:

– Игнат Павлович! Скотина! Где вы?

На этот зов вошёл русский малый с поблеклыми заспанными глазками, в тесной жакетке вишнёвого цвета и в светло-песочных панталонах.

– Чего изволите?

– Этакая безобразная морда! Барин одевается, а он так и норовит удрать! Так его и подмывает! Вы что там делали?

– Что? Известно что... Свечей нету, вот что...

– А у меня мелких нету... Я уйду. Шубу, калоши!..

Игнат Павлович принёс шубу и калоши.

– Вы! Будете дома?

– Куда ж я пойду? Мне некуда идти. Я спать буду.

– Сурок! Только и делает, что спит. Ишь хая жиром заплыла... Всё от сна.

– Темно, то, конечно, спать хочется. Свечей нету, это главное.

– Достаньте. Пойдите к хозяину... к Кате... Непременно достаньте. А у меня только на извозчика. Завтра Янкель даст, так и получите на расходы. Смотрите ж, я вернусь поздно.

– Да хорошо, никуда не уйду.

– Вероятно, один вернусь...

– Хорошо, хорошо!

– Что это? Ах, вы негодяй! На вас опять мои брюки? Послушайте, Игнат Павлович, я вас

поколочу!

Игнат Павлович что-то пробормотал, потупившись.

– А впрочем... Берите себе. Слушайте же, рыло, что говорят барин: он вернётся один... Но если выйдет случай, что вдвоём...

– Пон-нимаю!

– Молчать! Слушать! Если вдвоём, то вы должны... Каждый раз вам толкую, и вы каждый раз не исполняете! Как увидите, что вдвоём, сейчас же исчезайте...

– Куда ж мне исчезать?

– Сквозь землю провалитесь!

– Нет, куда ж это мне в самом деле? Очень любопытно?

– Тсс!!

Ракович замахнулся. Игнат Павлович отпрянул на приличное расстояние, барин рассмеялся.

Закурив пятикопеечную сигару (хорошие сигары, к несчастью, будут только на днях), Ракович вышел на улицу, белую от снега и залитую сумраком звёздной зимней ночи.

Скоро он очутился на площади и направился к большому каменному зданию, окна

которого горели ярким светом.

Это был дом дворянского собрания. По случаю масленицы здесь давали бал-маскарад. Танцы уже были в полном разгаре, и музыка гремела. Юный жандармский адъютант, потрясая серебряным аксельбантом, кричал иступлённым голосом команду красным, голубым, чёрным и пёстрым домино, которые спутались и бестолково перепархивали с места на место. Мужчины улыбались и семенили ногами.

Зал обдал Раковича особенною бальной атмосферой. Три люстры спускались с высокого потолка как три огненные венца. Молодой человек осмотрелся с тихой радостью.

Все, очевидно, старательно умылись, идя на этот бал, причесались и напوماдились. Чёрные сюртуки и фраки поражали отсутствием пятен, и свежее бельё придавало некоторым чересчур новый, «жениховский» вид.

Кое-кому он пожал руку. Заглянув в комнату, где находился буфет, и в сером дымном воздухе горели лампы, и безостановочно галдела толпа мужчин, он стал ожидать конца

кадрили.

Беглым взглядом снова окинул он публику.

Преобладали швейцарки, малороссиянки, цыганки в красных и синих плащах и «ночи» с серебряными и золотыми полумесяцами в волосах.

Замаскированных мужчин было мало. Неизбежный дурак в костюме, взятом напрокат из театра, усердно кивал головой, чтобы вызвать звон бубенчиков. Да ещё Дон Кихот одиноко бродил по залу, протискиваясь между танцующими и выкидывая от времени до времени нелепые па. Полицмейстер, лысый, красивый брюнет с осанкой гусарского полковника, стоявший у дверей в наблюдательной позе, тревожно посматривал на него, основательно подозревая, что этот рыцарь печального образа жестоко пьян.

Улыбаясь, Ракович подошёл к одной даме, которую узнал по родимому пятнышку на прекрасном белом плече, и завязал разговор.

Дама бойко отражала его вопросы, но, наконец, созналась, что она – она.

– Каким образом, Этелька, ты здесь?

– Ах, отстань!.. Чем я хуже других?

– Этелька! Все эти барыни и барышни – сама святость! И если б они узнали, что ты здесь, они разорвали бы тебя на части...

– Молчи!

Кадриль кончилась. Начался вальс, Ракович стал кружиться с Этелькой. Но, посадив Этельку и побежав для неё за мороженым, он потерял её. Несколько минут он напрасно толкался по залу.

Его остановила «ночь» в красных лентах и тихо сказала:

– Кого ищешь? Меня?

Молодой человек вздрогнул и пристально посмотрел в глаза, сверкавшие из прорезов бархатной маски.

– М-ме Кар...

– Потише!

Он предложил ей руку, и они пошли по залу.

– Муж здесь?

– Здесь. Но он не знает моего домино.

– Ты сердита на меня?

– А ты влюблён в Вареньку? – с упрёком произнесла она.

Он покраснел и сделал большие весёлые глаза.

– И не думал!

– Лжёшь. Я видела у фотографа её портрет. Тайно снималась для тебя... Видишь, я всё знаю!

– Знаешь. Но прошу тебя – секрет... Об этом никто не должен знать. Право, я ещё только предположение сделал... А от предположения до предложения...

– Да за тебя не отдадут!

– Не отдадут, сам возьму.

Она засмеялась.

– Ну, а со мной как ты поступишь?

– Как всегда. Поцелую, при случае.

– Так являйся завтра утром, когда муж в палате... В одиннадцать часов.

– Буду, буду...

Он блеснул счастливыми глазами и нежно сжал руку молодой женщине.

Музыка гремела, и пары всё кружились.

Дон Кихот пускался по временам вприсядку под звуки польки.

Благодаря пёстрым костюмам дам, зал, казалось, был полон георгин, роз, пионов, и чу-

дилось, что какой-то тёплый гармоничный ветер колеблет розовые, голубые, палевые и тёмно-красные лепестки этих крупных цветов, превращаясь иногда в вихрь и смешивая их в разноцветный колоссальный букет.

В глубине зала лёгкий оранжевый туман окутал собою люстры: было пыльно.

Под хорами, откуда неслись звуки скрипок, кларнета и контрабаса, толпились мужчины в чёрном. Там же, впереди, сидели незамаскированные дамы и мамыши юных домино.

Ракович расстался с m-me Карасёвой, когда началась новая кадриль, и опять пустился в поиски за Этелькой.

Но Этельки всё не было. Должно быть, она уехала, найдя другого кавалера.

Он скучал, танцы не развлекли его. M-me Карасёва два раза подходила к нему, и два раза они толковали о завтрашнем утре. Наконец, он стал избегать её.

Было двенадцать часов. Тихая радость, которую он испытывал в начале бала, сменилась в нём желанием спать. Он зевал.

Маски неинтересны, знакомых между ни-

ми почти не было, Этелька исчезла. Он подумал, что единственные десять рублей его останутся целы, и решил ехать домой, чтоб не проспать утра.

Зал стал понемногу пустеть. В провинции, да ещё глухой, не понимают бессонных ночей. Впрочем, бал должен кончиться ещё часа через два.

Ракович уже направлялся к дверям, как почувствовал во всём организме приятное сотрясение, широко раскрыл глаза, живо обернулся – и остался.

В зал впорхнула новая маска.

Она была среднего роста, с обнажёнными до розовых локтей руками, затянутыми в белые перчатки. Ножки у неё были маленькие, шея – тонкая, смугловатая, и узкие плечи: казалось, им тесно в их крепкой как атлас свежей коже, оттенённой молочной кисеёю фантастической сорочки. Мягкие локоны пышных золотисто-льняных волос покрывала стеклярусная шапочка, сверкавшая наподобие диадемы и украшенная двумя длинными рожками из павлиньих перьев. В походке и манере держать себя и в её фигуре было что-

то милovidное – развязность, не совсем ещё свободная от застенчивости, изобличавшая девушку, только что переставшую быть девочкой. Она подвигалась прямо по направлению к Раковичу. Её шёлковая алая юбочка с чёрным шашечным рисунком была как-то по-детски коротка, пояс сверкал блёстками и бисером, и на груди сияла золотая перевязь, а за спиной стояли два маленьких газовых крылышка.

Армейский офицер стремительно подбежал к ней, и было слышно, как он простуженным голосом произнёс:

– Божественный Мотылёк!

Он закружил её в бешеном вальсе.

Ракович с досадой ждал своей очереди.

Но два другие офицера отняли у него на этот раз счастье танцевать с Мотыльком. Мотылёк переходил с рук на руки и порхал по залу с увлечением и странной неутомимостью.

Вальс кончился.

Ракович, наконец, улучил время и подошёл к Мотыльку. Но Мотылёк был нем. Хорошенькая душистая ручка его опёрлась на ру-

ку молодого человека, который говорил, говорил, говорил, без всякого, однако, успеха. Мотылёк пристально только смотрел ему в лицо и иногда, казалось, насмешливо кивал своей красивой головкой, немножко наискосок как птичка.

Ракович забыл и об Этельке, и о m-me Карасёвой, и о невесте, и о хозяйской племяннице Кате. Он чувствовал потребность как можно дольше быть возле этого грациозного и молчаливого существа, глядеть на его тонкое, стройное тело, держать его нежную, хрупкую ручку, осязая при поворотах загорающим локтем его грудь.

Он протанцевал с ней кадрили и мазурку, и когда она уносилась с кем-нибудь по залу в вихре польки, Ракович ревновал.

Но Мотылёк каждый раз возвращался к нему, и лицо молодого человека расцветало. Голос его был полон ласки, он говорил с лихорадочным возбуждением, неожиданно для самого себя отпускал удачные остроты и пересыпал свою речь стихами. Его почтительность, в соединении с его прекрасною наружностью, произвела на Мотылька впечатле-

ние.

Между тем зал всё пустел. Жандармского адъютанта уже не было. Дон Кихота, который вздумал стать кверху ногами, выводили, и он кричал:

– Хорошие порядки! Либе-р-ально! Н-нечего сказать! После этого – где свобода л-ли-личности?

Дурак глядел на эту сцену и робко позванивал бубенчиками. «Ночь» в красных лентах подошла и пожала Раковичу руку на прощанье. За столиками между колоннами и в амбразурах окон ужинали.

– Однако, таинственная маска, – сказал Ракович Мотыльку, – ты слишком много молчишь! Какой талисман откроет твой ротик? Может быть, крылышко цыплёнка будет счастливее меня? В самом деле, Мотылёк, не хочешь ли скушать чего-нибудь?

Маска молчала.

– Ты одна здесь?

Она утвердительно кивнула головой.

Он повёл её за собою, и они поместились в углублении окна. Лакей, который знал Раковича, ибо каждый раз получал от него рубль,

мгновенно подал ужин. Ракович был секретарём съезда мировых судей, но его считали все богатым аристократиком – так он бросал деньги зря; и он пользовался всюду кредитом.

Мотылёк съел немного белого соуса и несколько раз прихлебнул из бокала. Вино понравилось Мотыльку. Во время еды и питья гантированная ручка придерживала кружево атласной полумаски, и Ракович видел, как там двигается остренький подбородок, нежный и розовый как мышьяная мордочка.

– Ах, какой у тебя подбородочек, Мотылёк! Подними выше маску! – сказал Ракович, у которого глаза слегка подёрнулись маслянистой влагой и от выпитого вина, и от близости этого загадочного Мотылька, несомненно летящего прямо на огонь.

Но Мотылёк, вместо всякого ответа, шумно уронил вилку и, пугливо съёжившись, подвинулся в глубину окна, к Раковичу.

– Пустите! – слышался голосок девушки. – Пожалуйста, пустите меня сюда! Заслоните меня собой!

– Наконец-то! – весело вскричал Ракович, исполняя просьбу Мотылька. – А я уж стал ду-

мать, что ты совсем немая... Но что с тобой? Ты вся дрожишь?

– Ничего.

Она взяла бокал и поднесла к губам.

– Для храбрости? На тебе ещё... Это лёгкое винцо...

– Ах, Боже мой! Он видит меня! Он пристально смотрит сюда! Я нарочно пью, чтоб он не догадался, что это я! А он догадывается. Он такой хитрый и проницательный! Я ваша дама, слышите. И если он подойдёт и спросит, кто это с вами, скажите: сестра. Слышите?

– Да кто он? Ты пей больше, Мотылёк, так он не догадается. Неужели ты замужем? Боишься мужа?

– О, нет, я не замужем.

Она стала спокойнее, но через минуту снова заволновалась, и её тревога сообщилась Раковичу.

– Ты боишься вот того господина в рыжих усах, маленького?

– Да... Ах, уехать бы отсюда! Не оставляйте меня, проводите в переднюю...

– Не бойся. Я скажу сейчас, чтоб он не смотрел так на тебя. Я прогоню его. Но

прежде шепни – кто он?

– Не подходите к нему, нет, не подходите! Вы всё испортите! Он...

– Ну, кто он?

Она замерла под взглядом маленького господина в рыжих усах и молчала как птичка на которую смотрит удав. Вдруг маленький господин отвернулся, и она ожила. Она схватила Раковича за руку и шепнула:

– Проводите теперь. Он больше не глядит. Ах, какое счастье! Он, кажется, решил, что это не я!

Ракович сделал знак лакею, что означало: «запиши, братец, за мной!», и они направились в переднюю.

Но едва только были разысканы шубы, и Ракович накинул на свою даму драповую ронду, как она опять съёжилась и ухватилась за его руку обеими руками.

– Пожалуйста, не бросайте меня, доведите... Надо сыграть роль до конца. Он стоит здесь. Вот он направо. Положительно, он догадывается. Ах, скорей же, скорей!..

Когда они вышли на крыльцо и сели в извозничьи санки, она стала говорить тоном

школьницы, без передышки, как бы желая вознаградить себя за продолжительное молчание в зале:

– Он по ротонде мог узнать меня. Серая ротонда, отделана серым атласом, а кроме того, этот оренбургский платок. Прикажете ехать к Остапенкам. Я у них гощу. Они премилые люди, и мне у них лучше, чем у родных – я вам правду скажу. Вот видите, этот господин может очень повредить мне у наших. Наговорит всего! А я, действительно, нехорошо сделала, что поехала на маскарад. И ещё хуже, что вино пила. Знаете, шампанское действует на голову... Ну, что, как он догадался? Скверная история! Он такой!.. У него муха в носу!.. Вы смеётесь? Да, муха в носу. Он, как станет говорить, в носу так и жужжит: «ж-ж-з-з-и». Представьте, однако, он мой жених! Мне стыдно признаться. Но мы живём только на папашину службу, а у него денег много, он ростовщиком был, говорят. Мамаша на коленях попросила, чтобы я согласилась; я, дура, и согласилась. Ну, теперь жалею, да уж поздно. Уж если раз слово дать, то трудно на попятный двор.

Она опять схватила его за руку.

– Боже мой, посмотрите, кто едет за нами?
Ракович посмотрел.

– Право, не знаю... Неужели он?

– Он! У него острая шапка!

– Да чёрт с ним!

– Ах, что вы! Теперь уж Бог знает, что выйдет. Я умираю от ужаса. Но может это случай, что такая шапка. Прикажите повернуть направо.

– Направо, извозчик!

Снег скрипел под полозьями. Узкая прямая улица была пустынна, ставни везде заперты. Звёзды мигали в тёмном небе. Морозный воздух, казалось, заснул.

Мотылёк притих.

– Едва ли *он* подумает, что это я, если я с вами. Вы совсем чужой. Я даже фамилии не знаю вашей...

– Ракович.

– Ну, а я своей не скажу. Я рассказала вам свой секрет, и теперь уж неловко говорить фамилию.

– Как хотите.

– Ах, однако, эта история!.. – прошептал Мотылёк, тихонько хохоча и кутаясь в ротон-

ду.

Ракович ответил сочувственным смехом.

«Премилое происшествие!» – думал он.

– Посмотрите – отстал?

Ракович обернулся.

– Нет, едет.

Она прижалась к нему, и голосом, в котором слышалось отчаяние, произнесла:

– Значит – он! Что же мне делать?

– Повернём налево.

Лошадь мелкой рысцой побежала по набережной белой от снега реки. Фонари потухли. Вдали виднелся чёрный скелет моста. Деревья недвижно стояли, как привидения, седые и косматые.

– Едет, всё-таки?

– Едет.

– Ну, он!.. Ах, Боже мой!..

– Повернём опять направо!

Странное, почти радостное чувство между тем росло в груди Раковича. Близость Мотылька заставляла его кровь обращаться быстрее, и какая-то сладкая надежда начала подобно зарнице проблескивать в его уме.

– Тебе не холодно, милый Мотылёк?

– Зябнут колени...

– Дай, я укутаю тебя лучше.

Санки переехали через мост и очутились в аристократической части города. Здесь дремали красивые деревянные дома, двухэтажные или с мезонинами и массивными колоннами. Стройные тополи выше крыш подымали свои белые метёлки. Прямо темнелся в сумраке зимней ночи силуэт церкви со стрельчатыми окнами и пирамидальными куполами. За церковью обозначалась спокойная масса городского сада.

– Едет?

– Бедный Мотылёк, как мне тебя жалко! Едет, негодяй!

– Что мне делать? Это уж не смешно.

Ракович дружески сжал ей руку. Вскоре дружеское чувство стало сильнее, и он сжал ей талию.

– К Остапенкам ни в каком случае нельзя? – спросил он.

– Ни за что! Ни за что! Будет ясно!

– Извозчик, рубль на водку – поворачи налево и лети стрелой!

Они помчались. Он стал понемногу отста-

вать, но не терял их из виду, и его чёрная остроконечная шапка вырезывалась вдали в белом сумраке улицы.

Миновав семинарию с её крепостными стенами, санки юркнули в кривой переулок и через пять минут очутились возле дома, где жил Ракович.

– Вставай, Мотылёк! – торопливо произнёс молодой человек.

– Куда?

– Ко мне. Он если и увидит, то, уж наверно примет тебя за какую-нибудь из моих знакомок... за сестру, наконец, которой, впрочем, у меня нет. Вставай, Мотылёк! Мы переждём десять минут, и тогда я провожу тебя к Остапенкам... Скорей! Смотри – он уже показался.

Маска, недолго думая, прыгнула из санок и, стараясь скрыть себя за шубой Раковича, проскользнула в калитку. Слышно было, как отъехал извозчик Раковича, и как подъехали другие санки, как брякнула щеколда, и как энергично ругнул кого-то маленький господин с мухой в носу.

Ракович вёл Мотылька за руку по тёмной лестнице.

– Он, пожалуй, будет ждать! Хорошо, что я запер калитку!.. Ты дрожишь? Тебе холодно?

– Я боюсь, – отвечал Мотылёк со слезами. – Мне холодно. Я без калош. Неужели же он будет ждать?

– Будет ждать... Да Бог с ним! Не думай о нём, Мотылёк! Думай о том, что нет худа без добра!

Игнат Павлович спал богатырским сном. С большим трудом разбудил его барин. Лакей отворил дверь и, почёсываясь, спросил:

– Вы одни?

– Тише... Свечку!

– Нигде не достал. Ходил и к хозяйской племяннице – нету. Нету, одним словом.

– Иди за мной, Мотылёк. Не осуди моё хозяйство. Побудем впотьмах.

– Чудесно и впотьмах, – заявил Игнат Павлович.

– А вы, идиотская душа, исчезайте! Молчать!.. Лежите, наконец, в передней, но будьте мертвы...

– Да будьте спокойны! Духу не подам!

Ракович увёл Мотылька в свою комнату. Он уговорил девушку снять платок и ротонду

и посадил её на кровать. Было темно, и только при бледном отсвете снега, падавшем в комнату, Ракович различал ноги Мотылька. Молодые люди молчали.

Ракович взял Мотылька за локти.

– Сними маску. Тебе душно. Сними.

– Неужто *он* всё там?

– А наверно!

– Это ужасно. Я сниму маску, потому что всё равно не видно.

– Я слышу, как скрипит снег под его шагами. Дай сюда маску. Жаль, что я не вижу ничего. Даже так близко ничего не вижу.

– Есть люди, которые и в темноте видят. Кошки видят.

– Да, кошки видят. Но если впотьмах нельзя видеть, зато можно целоваться, – сказал Ракович и притянул к себе девушку.

...Прошло несколько часов. По мере того, как светало, общие очертания лица её становились яснее. Это лицо было оригинально и, может быть, красиво, но, во всяком случае, очень молодо. Глаза сидели глубоко, сближенные у тонкого, орлиного носика. Тёмно-алые губы улыбались чуть-чуть кверху. По

обеим сторонам выпуклого лба с тёмными сросшимися бровями бежали мягкие густые волосы.

Она встала и накинула ротонду. Ракович дремал, а девушка под села к столу и опёрла голову на руки. Что-то нелепое и дикое, постыдное и непонятное случилось с нею, и ей было странно всё это – и она не знала, какое оправдание придумать себе. Она не плакала, но чувствовала, что как-то вдруг постарела и уж не засмеётся больше беспечным смехом. Точно какой-то ангел всё время был с нею и осенял её своим крылом, а теперь улетел, покинул её, и она осталась без всякой защиты. Угар прошёл.

Рассвело.

Ракович вскочил, протёр глаза.

– Неужели ты, Мотылёк – не сон? – спросил он, потягиваясь.

– Не говорите мне ты... Проводите меня... Или не надо... Посмотрите только, нет ли кого на улице.

На лице её опять была маска, и Ракович опять заинтересовался ею. Но от девушки веяло теперь холодом.

Он смутился.

– Что с тобой?

– Разве вы не знаете? Я в западню попала.

– Напротив, я спас вас от жениха с мухой в носу.

Она постояла, увидела его легкомысленное, насмешливое лицо, вспомнила свою домашнюю обстановку... Из огня да в полымя – вот её спасение. Разумеется, она теперь выйдет за этого противного человека... Но отчего бы Раковичу не жениться на ней?

– Чей это портрет у вас? – спросила она.

– Моей богини!

Она сделала нетерпеливое движение и сказала:

– Нет, что я за дура! Я просто с ума сошла! До свидания!

Ракович пошёл вперёд, чтобы проводить её. За воротами никого не было.

– Уходите, могут увидеть! – сказала она.

– Да. Останемся же друзьями, Мотылёк!

– Хорошо, останемся, – произнесла она тихо с раздумьем.

Ракович вздохнул с облегчённым сердцем. Было около семи часов, и улицы были ещё пу-

стынны. Она протянула ему руку, и он вернулся к себе, довольный её благоразумием.

В спальне он застал Игната Павловича, который, ухмыляясь, рассматривал какую-то смятую и сильно разорванную вещь, найденную им на полу. Ракович взглянул с усталым и равнодушным видом. То были крылышки Мотылька.

1879 г.